

Мне кажется, что можно поставить вопрос и о возможной связи литературных трудов Киприана на Руси с проблемой реформы правописания, проведенной в Болгарии его другом патриархом Евфимием. Это правописание, так же как и характерный абстрактно-панегирический стиль Евфимия, не могло выработаться в школе преп. Феодосия Тырновского, язык и стиль которого принадлежат письменности предшествующего периода и которые самому Евфимию кажутся грубыми и неискусными. Агиографический литературный стиль Евфимия сформировался несомненно во время его жизни в Греции (около 1363—1373 гг.), между «богомудрыми мужами» — исихастами в Царьграде и на Афоне. Что касается реформы правописания, то она, конечно, должна была быть продумана и оформлена в связи с широким планом исправления церковных книг, который проводился в болгарской церкви при патриархе Евфимии, т. е. после 1375 г., когда Евфимий стал патриархом. Если о литературном стиле самого патриарха Евфимия можем судить по его собственным литературным произведениям, то о его реформе правописания знаем только по свидетельству Константина Костенечского, якобы патриарх Евфимий дал «нека изъявления» в связи с вопросом упорядочения предшествующей анархии правописания и якобы, «научивши и положивши основ учению», патриарх «злобу искоренил». Вполне вероятно, что основная идея этой реформы — архаизация правописания и языка в смысле возвращения к первоначальной «общеславянской» системе Кирилла и Мефодия — принадлежала самому Евфимию. Она находит свое полное оправдание в факте тогдашней болгаро-сербско-русской литературной взаимности, осуществлявшейся на Святой Горе. Между тем то особое внимание к русскому языку, являющемуся, по определению Константина Костенечского, «тончайшим и прекраснейшим», благодаря чему «добрые и древние мужи», переводчики старых книг, избрали русский язык в качестве основы литературного языка, на которую затем легли добавления из болгарского, сербского, босанского, словенского, хорватского и чешского языков, рождает предположение об особых причинах такой роли русского языка в системе патриарха Евфимия. С одной стороны, это могло быть отражением того общего интереса к Руси, который должен был существовать в Сербии и Болгарии в середине XIV в. в связи с расширением культурного влияния на восточное славянство; с другой стороны, практическая потребность создания правописания, наиболее доступного для распространения в России, могла быть внушена патриарху Евфимию его другом Киприаном, который стал русским митрополитом на следующий год после вступления Евфимия на болгарский патриарший престол и который свою миссию в России справедливо понял в первую очередь как церковно-просветительную.

Через год после первого приезда Киприана в Москву, в 1382 г., татарский хан Тохтамыш варварски отомстил России за Куликовскую битву 1380 г. Проникнув обманом в Московский Кремль, татары перебили или угнали в плен все население, сожгли и разорили все, что могли. В частности, сгорели и церкви, до строил наполненные книгами, которые при приближении татар были со всей округи принесены в Москву. Поэтому московские рукописи до конца XIV в. представляют чрезвычайную редкость. Подобные зверства совершали татары всюду, где проходили; много содействовали уничтожению культурных памятников и постоянные между-

связей между Болгарией и Россией в конце XIV—начале XV в. — В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961, стр. 257—277. Иную точку зрения на роль и значение митрополита Киприана в развитии русской литературы см. в статье Л. А. Дмитриева в настоящем сборнике, стр. 215—254.